

«Восточное партнерство» и перспективы расширения Евросоюза

Марина Кукарцева
Евгений Рябов

События, происходящие сегодня на Украине, ставят много вопросов как теоретических, так и практических. Среди первых, например, соотношение политики внутренней и внешней.

К.Шмитт считал, что различие двух толкований слова «политика» было выведено в XVIII в. в результате исследований феномена греческого полиса: «полиция» (нем. – *Polizei*) и «политики» (*Politik*) [1]. Первое ассоциируется с внутренним управлением, основанном на государственном администрировании, а второе – с международными делами. Предполагается, что внутри государства существует скорее единообразие, чем конкуренция или плюрализм, и только в некоем «метафорическом» смысле внутреннюю политику характеризуют отношения «друг – враг», которые достаточно редко могут перерасти в гражданскую войну.

Получается, что международная политика, где война всегда является реальной угрозой, больше соответствует сфере «политического», чем политика внутренняя. Этот теоретический постулат требует нового осмысления в контексте многих событий последних лет, и украинского «Евромайдана» в частности, так же как и ряд других нелиберальных интерпретаций «политического», акцентировавших значимость внутренней политики над внешней.

КУКАРЦЕВА Марина Алексеевна – доктор философских наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России. *E-mail: mkukartseva@gmail.com*

РЯБОВ Евгений Анатольевич – магистр международных отношений, ведущий стратегический аналитик ИК «Амадеус». *E-mail: eugenyaboff@gmail.com*

Ключевые слова: ЕС, балканские страны, «Восточное партнёрство», страны СНГ, интеграция.

Например, второе поколение теоретиков Франкфуртской школы в лице Юргена Хабермаса предложило идею плюралистической, делиберативной демократии, основанной на коммуникативной силе, исходящей от гражданского общества, а не заключенной в самом государстве [2]. Был проведен анализ того, каким образом политика в современном мире зависит от комбинации организованных и неорганизованных, но легальных обсуждений законов и социальных институтов. Хабермас и его последователи убедительно показали, что организованные обсуждения текущих политических проблем могут происходить в структурах государства, таких как парламент и другие органы законодательной власти, а неорганизованные – в хаотичной, синергически формируемой публичной сфере мнений и аргументаций. Но в обоих случаях эффективный источник легитимной политической и государственной власти – дискурсивная сила лучшего аргумента в ничем не ограниченном интересубъективном взаимодействии.

Эта идея давно является ключевой во внутривнутриполитическом дискурсе ЕС. Столкнувшись с ее антитезой в пространстве украинских протестов, европейские политики встретились с необходимостью или пересмотреть ее исходные постулаты, или признать, что есть страны, «не дотягивающие пока до чистых норм высокой политики».

Что же делать с такими странами?

Учить, как жить правильно, звать к себе или дать им возможность реализовывать собственные представления о нормах в политике?

Эти теоретические вопросы связаны с вопросами практическими, главный из которых – кому открывать дверь в ЕС и стоит ли это делать вообще?

Европейский союз, начинавшийся с шести государств Западной Европы, за полвека разросся до гигантского квазигосударства, занимающего в мире одну из лидирующих позиций по объему ВВП, населению, территории и другим геополитическим параметрам. Тем не менее скорость территориальной экспансии вызвала массу критики как со стороны политических теоретиков, так и практикующих политиков. В Маастрихтском договоре сказано, что любая европейская страна, отвечающая принципам ЕС (современная демократия и рыночная экономика были официально оформлены позднее под названием «Копенгагенские критерии»), может подать заявку на присоединение к ЕС [3].

Прецедент включения Кипра в состав Евросоюза свидетельствует о том, что термин «европейский» интерпретируется властями ЕС весьма вольно, и интеграционным процессом могут быть охвачены даже те страны, которые близки европейцам не в географическом, а только в культурном плане, и даже это спорно. Противоположным Кипру примером может служить Турция: формально часть её территории располагается в Европе, но культурное своеобразие этой страны, особенно преобладание населения, преимущественно исповедующего ислам, является серьезным препятствием на её пути в ЕС. Переговоры о вступлении Турции в ЕС длятся более 10 лет и изрядно поднадоели властям этого средиземноморского государства.

Из 43 государств, признанных большинством членом ООН, часть территории которых находится в Европе, 27 входят в ЕС. Таким образом, неохваченными интеграционными процессами в рамках ЕС остаются 16 государств. Если учитывать ещё и государства, расположенные в Европе своей меньшей частью, то список возрастет до 21 страны. Евроинтеграцию можно разделить на пять стадий, между которыми могут пройти десятилетия:

- Соглашение об ассоциации с ЕС (которое само по себе не гарантирует дальнейшего прогресса на пути интеграции);

- Заявление на вступление в ЕС (поданное потенциальным членом);

- одобрение заявления на вступление Советом ЕС по рекомендации Еврокомиссии;

- начало переговоров о вступлении;

- официальное принятие страны-кандидата в ЕС.

Согласно последнему докладу Еврокомиссии, официальными кандидатами на вступление являются восемь государств: Черногория, Сербия, Македония, Албания, Косово, Босния и Герцеговина, а также Турция и Исландия. С вхождением каждой из них связаны определённые особенности [4].

Наибольшее количество официальных потенциальных членом ЕС находятся на Балканском полуострове. ЕС рассматривает данный регион как приоритетный, видя свою миссию в ликвидации «порохового погреба Европы» и приобщении культурно и профессионально близких к Европе народов к западной цивилизации. Еще в 2003 г. на саммите ЕС в греческих Салониках была принята «Повестка дня для Западных Балкан — движение к

европейской интеграции», предусматривающая потенциальное членство для шести государств – **Хорватии, Сербии, Черногории, Македонии, Боснии и Герцеговины** [5]. Через 10 лет после саммита одна из этих стран, Хорватия, уже вступила в ЕС, но число потенциальных членом не изменилось – частично признанное государство Косово также претендует на членство в Союзе. Основные претензии ЕС одинаковы для всех балканских стран – неразвитость политических институтов, недостаточная свобода слова и защита прав меньшинств.

По мнению Еврокомиссии, наилучшие шансы на вступление в ЕС у *Черногории* – её политические институты вполне соответствуют европейским стандартам, кроме того, эта страна неофициально входит в зону евро, используя единую европейскую валюту для нужд внутреннего обращения, но не имея права её эмиссии. Интегрироваться ей будет гораздо легче, чем остальным балканским странам, особенно учитывая её небольшие масштабы.

После того как 19 апреля 2013 г. было подписано историческое соглашение, фактически признающее суверенитет Косова со стороны *Сербии*, шансы обеих стран войти в Евросоюз резко выросли [6]. Еврокомиссия ожидает укрепления отношений между двумя странами, считая, что данное соглашение – всего лишь начало примирения бывшей метрополии и её региона. Последние события подтверждают оптимизм ЕС: в ноябре 2013 г. в Косово прошли выборы в местные органы власти, и сербы, живущие в пределах этого частично признанного государства, их не бойкотировали, как раньше.

Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон оценила это как важный шаг Сербии на пути к присоединению к ЕС.

Судя по всему, сербы смирились с потерей Косова (причём не в последнюю очередь из-за стремления в Евросоюз). По многим параметрам (экономическим, географическим и иным) Сербия аналогична недавно вступившей в ЕС Хорватии, поэтому её интеграция с ЕС выглядит весьма вероятной. 21 января 2014 г. Евросоюз начал с Сербией переговоры о вступлении.

Сложнее обстоит дело с *Македони-ей*. Курьёзным, но в то же время наиболее серьёзным препятствием являются претензии к Македонии со стороны Греции, считающей, что её славянский сосед не имеет никакого права именоваться «Македония», и угрожающей заблокировать вступление этой страны в ЕС и НАТО.

Спор о легитимности названия страны тянется ещё с 1991 г., несмотря на то что в 2011 г. Международный суд ООН запретил Греции препятствовать вступлению Македонии в международные организации, Евросоюз по-прежнему пользуется «греческим» названием – бывшая югославская республика Македония (*FYROM*). ЕС заявляет, что предоставит членство этой стране только после согласования её наименования с Грецией. В целом шансы Македонии на вступление в ЕС крайне призрачны. Нелепая, на первый взгляд, причина не может быть разрешена в рамках текущего дискурса – Греция чувствует за собой поддержку ЕС и боится территориальных претензий (в двух её административных единицах присутствует слово «Македо-

ния»). А для Македонии отказаться от своего названия равносильно признанию несостоятельности как государства.

Среди недостатков *Албании* Еврокомиссия отмечает, в первую очередь, высокую коррумпированность и преступность, призывая кардинально реформировать аппарат госуправления, который помог бы справиться с данными проблемами. Неофициальным препятствием к вступлению Албании в ЕС служит и растущее мусульманское население страны.

Косово, а также *Боснию* и *Герцеговину* сложно пока признать состоявшимися государствами, но поддержка их интеграционных стремлений со стороны ЕС выглядит авансом на будущее.

Несмотря на то что европейская часть *Турции* лежит именно на Балканском полуострове, перспективы этой страны на присоединение к ЕС, учитывая её политический, экономический и демографический потенциал, целесообразно рассмотреть особо. Турция заключила Соглашение о стабилизации и ассоциации, которое можно рассматривать как первый шаг на пути европейской интеграции с ЕС ещё в 1960 г. Но интеграционный процесс затянулся – заявку на вступление в ЕС Турция подавала в 1987 г., но только в 1999 г. получила статус официального кандидата. Греция, подписавшая Соглашение одновременно с Турцией, вошла в состав ЕС уже через 21 год. Формальных оснований для отказа Турции, особенно после принятия Кипра, у ЕС нет.

Наиболее последовательным противником присоединения Турции выступает Германия, авторитет которой в Евросоюзе чрезвычайно высок. Ос-

новной мотив (хотя и стыдливо замалчиваемый) – если многомиллионное исламское население Турции вольется в содружество европейских стран, то тот Старый Свет, которым по праву гордится и по которому ностальгирует Европа, исчезнет безвозвратно. Кроме того, Турция граничит с «опасными» и проблемными государствами, такими как Сирия и Ирак.

Тем не менее баланс в отношении «ЕС – Турция» понемногу стал смещаться в сторону последней, уже перейдя нулевую отметку. Стагнирующая экономика заставляет Европу искать новые пути развития и рынки сбыта, а низкая рождаемость грозит катастрофическими нагрузками на бюджет и молодых работников. Турция, имеющая 15-ю по размерам экономику мира и пока не завершившая демографический переход, могла бы пригодиться Европе в качестве источника относительно дешёвой рабочей силы. Возможно, подобными соображениями и объясняется неожиданно мягкая позиция ЕС в принципиально важном для них правозащитном аспекте: после подавления турецких демонстраций в начале лета 2013 г. ЕС объявил о замораживании переговоров, но разблокировал их уже через четыре месяца.

Однако желание присоединиться у Турции уже пропало: согласно опросам общественного мнения, число турок, поддерживающих присоединение к ЕС, сократилось за последние восемь лет более чем вдвое – с 71% в 2004 г. до 36% в 2012 г. [7], причём текущие оценки правительства Турции ещё ниже – не более 20% [8]. Интеграция с ЕС больше не является первоочередной задачей и для де-моисламистского правительства

Турции, пересматривающего наследие Ататюрка и смещающего центр своей внешней политики с Европы на Ближний Восток.

Черту под полувековой историей попыток присоединения подвёл турецкий министр по вопросам интеграции с ЕС Эгемен Багыш, заявив в сентябре 2013 г., что Турции, «возможно, никогда не станет членом ЕС» [9].

Среди других восьми официальных членов на присоединение наилучшие шансы у *Исландии*: Еврокомиссия отмечает полное соответствие страны Копенгагенским критериям, что неудивительно для скандинавской страны. Однако эти шансы высоки только в глазах самого ЕС – исландцы никогда особенно глубоко не интересовались политическим объединением с ЕС из-за своего уникального географического положения. История интеграции Исландии с ЕС охватывает почти исключительно область экономики.

В 1970 г. Исландия становится членом Европейской ассоциации свободной торговли, в 1973 г. подписывает с ЕС двухстороннее торговое соглашение, а в 1994 г. страна входит в Единое экономическое пространство.

Подачу Исландией заявки на вступление в ЕС 17 июля 2009 г. можно объяснить только последствиями кризиса 2008 г. И уже через четыре года победу на парламентских выборах вновь одержали евроскептики, приостановившие переговоры о присоединении как минимум на один год.

Для оценки перспектив евро-исландской интеграции уместно вспомнить единственный прецедент с выходом из ЕС – в 1985 г. *Гренландии*. Исландия во многом схожа с Гренландией, даже не столько из-за географических факторов, сколько из-за приоритетной ориентации на

рыболовство – именно разногласия Гренландии с ЕС по этому вопросу послужили причиной потери последним свыше половины своей территории.

На настоящий момент взаимоотношения между Гренландией и ЕС строятся на основании специального «Договора, изменяющего в отношении Гренландии Договоры, учреждающие Европейские сообщества», или так называемого «Гренландского договора» [10]. Данный договор даёт гренландцам гражданство ЕС и даже право голосовать на выборах в Европарламент. Весьма вероятно, что интеграционный процесс с Исландией будет формироваться по той же схеме, что и с Гренландией; благодаря собственной валюте страна весьма быстро преодолела последствия финансового кризиса и может себе позволить быть относительно независимой, не чувствуя на своём удалённом острове единения с прочими европейцами. А ничтожное количество исландцев – граждан ЕС не сможет нарушить баланс в наднациональных органах власти.

Итак, за исключением уже вступивших в ЕС государств и официальных членов на присоединение, в Европе остаются только отдельные «белые пятна», не охваченные процессом евроинтеграции:

- традиционные евроскептики Норвегия и Швейцария;

- карликовые государства Европы;

- европейские страны СНГ.

Если *Норвегия* пыталась вступить в ЕС ещё в 1961 г., но затем отказалось от этого из-за нежелания делиться гигантскими нефтяными до-

ходами, то *Швейцария* еще со времён своего создания объявила об «абсолютном нейтралитете», не позволяющем ей вступать в какие-либо политические организации. Перспективы норвежского и швейцарского членства выглядят маловероятными, за последние десятилетия никаких значимых прорывов в этом направлении не совершалось, и общественное мнение этих стран настроено негативно (вступить в ЕС желают около 20% норвежцев [11], а швейцарцы ещё в благополучный для ЕС 2001 г. отвергли идею вступления с подавляющим перевесом – 77%) [12].

Карликовые государства, такие как **Монако**, **Лихтенштейн**, **Андорра**, **Сан-Марино** и **Ватикан** пока не являются полноправными членами ЕС, взаимодействуя с ним на основе отдельных договоров.

Наиболее перспективным выглядит членство в ЕС у *Сан-Марино*. На референдуме 20 октября 2013 г. чуть более половины жителей Сан-Марино проголосовали за вхождение в Евросоюз, однако кворум преодолен не был, что избавило руководство республики от необходимости подавать заявку на присоединение [13].

Причины интереса санмаринцев к ЕС большей частью прозаические – кризис 2008 г. заставил правительства развитых государств озаботиться проблемой уклонения от уплаты налогов. В 2009 г. Италия надавила на свой анклав, потребовав отказаться от льготного налогообложения в банковской сфере и инсценировав налоговую амнистию, в результате чего около 30% банковских активов из Сан-Марино было выведено [14]. Банковскому сектору, занимавшему

четверть национального ВВП, был нанесён серьёзный урон, и экономика Сан-Марино с начала кризиса сократилась на 30%, зафиксировав одну из самых масштабных и продолжительных рецессий в Европе. Тем не менее даже если Сан-Марино решит подать заявку на присоединение, то вряд ли ЕС пустит его в свои ряды. Причина проста – в этом случае проблема адекватности представительства стран-членов в органах власти ЕС приобретёт гипертрофированные черты: в Сан-Марино проживает всего 32 тыс. чел., и если, согласно принципам Лиссабонского договора, это государство будет иметь шесть евродепутатов, то окажется, что каждый из них представляет 5,4 тыс. чел. (на данный момент минимум равен 69 тыс.).

Вероятно, для того чтобы избежать подобной ситуации, и были созданы специальные договоры, которые фактически устанавливают пределы для интеграции карликовых государств в ЕС.

Но наиболее неопределённая ситуация на восточном направлении. Не секрет, что Европа оказалась одним из самых пострадавших от мирового экономического кризиса 2008 г. регионов – накопленные за годы существования единой европейской валюты финансовые дисбалансы существенно усугубили долговые проблемы еврозоны [15]. Именно с 2008 г. и начинается история «**Восточного партнёрства**», призванного способствовать расширению Евросоюза за счет европейских и кавказских стран СНГ – **Украины,**

Молдавии, Белоруссии, Армении, Грузии и Азербайджана.

«Восточное партнёрство» вначале существовало как весьма эфемерный проект, аналогично Средиземноморскому союзу. Цель – удержать на определённом расстоянии страны, мечтавшие о вступлении в Евросоюз (для регулировки скорости интеграции у ЕС был весьма удобный инструмент под названием «кондициональность», позволявший ставить партнёрам односторонние условия, без выполнения которых процесс не двигался).

До недавнего времени «Восточное партнёрство» занималось довольно бессмысленными вещами, например, критикой Белоруссии за нарушение прав человека, но четвёртый по счёту саммит «Восточного партнёрства» (Вильнюс, 28–29 ноября 2013 г.), должен был стать поворотным моментом. Проблема в том, что ЕС никак не может выбраться из ямы экономической стагнации, и весьма вероятно, что перспектива расширения рынков сбыта для европейских товаров сыграла не последнюю роль в активизации восточного направления.

Однако надеждам еврокомиссаров, рассчитывавших на высокую степень евроэнтузиазма стран СНГ, не суждено было сбыться в полном объёме – *Грузия* и *Молдавия*, как и ожидалось, парафировали соглашение об ассоциации с ЕС, а вот *Украина*, парафировавшая соглашение ещё 30 марта 2012 г., его не подписала. Также от парафирования отказались *Армения* и *Азербайджан*.

Вильнюсский саммит предельно обострил вопрос политической ори-

ентации европейских и кавказских членов СНГ – если раньше они могли лавировать между Россией и ЕС, то теперь, по крайней мере для Украины и Молдавии, пришло время решающего выбора, «момент истины», причём в обеих странах общественный консенсус по этому вопросу отсутствует. Кроме пресловутых протестов на Украине показателен и пример молдавской автономной области Гагаузия – вопреки официальной позиции Кишинёва 2 февраля был проведён референдум по вопросу присоединения к Таможенному или Европейскому союзу (за первый вариант проголосовало свыше 98% традиционно пророссийски настроенных гагаузов [16]). В оба Союза вступить невозможно, так как при этом фактически пересекаются зоны свободной торговли, что и отметил Президент России В.В.Путин на саммите Россия – ЕС 28 января 2014 г. [17]

Для многих жителей стран «Восточного партнёрства» выбор между Россией и ЕС имеет цивилизационно-идеологическое измерение, но многие забывают, что Соглашение об ассоциации с ЕС совсем не означает скорого принятия в Евросоюз.

Турция подписала Соглашение ещё в 1960 г. и до сих пор в Союз не входит (а Косово не подписало, но является официальным кандидатом на присоединение).

Подобные соглашения заключены со многими странами, не имеющими даже отдалённого шанса на интеграцию с ЕС (*Египет, Колумбия, Чили и ЮАР*).

Последние действия ЕС наиболее красноречивы – 28 января Еврокомиссия объявила о начале переговоров для нормализации отношений с *Кубой*, а в перспективе и подписание

с ней Соглашения об ассоциации. Излишне и говорить о том, насколько Куба далека от географических, экономических и политических критериев для вступления в Евросоюз.

Тем не менее Соглашение об ассоциации с ЕС не является типовым договором и может включать в себя различные положения.

Украинская версия уделяет основное внимание именно созданию зоны свободной торговли (экономическим отношениям посвящено более половины объёма документа, около 180 стр.). Правительство Украины подсчитало, что подписание Соглашения в Вильнюсе лишило бы страну в 2014 г. около 37 млрд долл., а в случае отложенного подписания Украина получила бы положительный денежный поток в размере 5 млрд [18] (эти цифры вызывают глубокий скептицизм – например, украинцы рассчитывают на кредит со стороны России – 5 млрд долл., но только в том случае, если подписание Соглашения с ЕС будет отложено).

Парафирование Соглашения с ЕС вызвало дискуссию и в Грузии, причём сомнения спровоцировал именно экономический аспект – партия «Промышленность спасает Грузию» (ПСГ), входящая в правящий альянс «Грузинская мечта», заявила о том, что условия ЕС могут негативно сказаться на грузинской промышленности. У политиков есть основания для опасений – Европейский союз уже не раз критиковали за излишне жёсткие рыночные нормативы, в которые сложно вписаться странам Восточной Европы, не входящим в ЕС.

Реальные перспективы вступления ряда стран в Евросоюз представлены в табл.

Оценка интеграционных перспектив стран на присоединение к Европейскому союзу

Страны	Текущий уровень прогресса	Вероятность присоединения	Ключевые факторы	
			позитивные	негативные
Черногория	Переговоры о вступлении (с 29 июня 2012 г.)	Высокая	Хорошие оценки со стороны Еврокомиссии, неофициальное использование евро и очень высокая поддержка населения (свыше 75%)	
Сербия	Переговоры о вступлении (с 21 января 2014 г.)	Умеренная	Фактическое признание Косова нивелировало ключевую проблему на пути интеграции	В стране существует значительное количество антизападных радикалов
Исландия	Заявка на вступление отозвана по инициативе самой Исландии (13 июня 2013 г.)	Низкая, но в рамках отдельного договора весьма высокая	Идеальное соответствие Копенгагенским критериям	У власти находятся евроскептики, интересующиеся только частичной экономической интеграцией
Турция	Переговоры о вступлении (с 3 октября 2005 г.)	Низкая	Очень долгая история евроинтеграции, создавшая значительную инерцию	Население и правительство Турции разочаровываются в евроинтеграции, остаётся нерешенной кипрская проблема
Македония	Заявка на вступление одобрена (17 декабря 2005 г.)	Низкая		Проблема с названием страны пока не имеет очевидных решений
Албания	Заявка на вступление подана (28 апреля 2009 г.)	Низкая		Страна с преобладающим мусульманским населением, высокий уровень криминалитета Босния и Герцеговина
Босния и Герцеговина	Соглашение об ассоциации (16 июня 2008 г.)	Низкая		Многочисленные проблемы в экономической и политической сферах
Косово	Нет Соглашения об ассоциации (ЕС рассматривает подписать его весной 2014 г.)			Не признано как государство всеми членами ЕС

Таким образом, потенциал расширения Евросоюза сегодня фактически истощён – в обозримой перспективе ЕС может прирастать только за счёт отдельных балканских государств, которые несущественно изменят территориальные, демографические и политические параметры Союза. ЕС близок к достижению своих естественных цивилизационных границ, дальнейшее расширение может изменить принципы построения его модели и превратить его из квазигосударства в квазиимперию. А все империи, классические и неклассические, пали в том числе и потому, что удерживать в своих рамках «разношерстную» компанию государств было не под силу государственному аппарату.

Центробежные силы в ЕС понемногу набирают обороты.

Общезвестна позиция Великобритании, которая намерена добиваться децентрализации Европейского союза по принципу «Европа – где нужно, национальное – где возможно». «Сейчас ЕС играет большую роль в нашей стране, чем хотело бы большинство граждан, и он получил эту роль без разрешения британцев. Британцы хотят перемен, хотят выбора, и мы дадим им этот выбор. Косметических изменений недостаточно, мы хотим реального изменения того, как функционирует ЕС, хотим прекращения бесконечной централизации, хотим Европы, осознающей, что мы находимся в состоянии гонки, Европы, которая занимается не созданием еще большего количества правил и обеспечением еще большего вмешательства Брюсселя, а вместо этого возвращает власть и полномочия национальным парламентам и избирателям. Вот какую Европу мы хотим», – сказал глава МИД Великобритании Уильям Хейг на конференции Консервативной партии в Манчестере [19].

Мотивация стран, стремящихся в ЕС, таких как Украина например, (так же как и уже вступивших, например, страны Балтии), часто продиктована не соображениями государственного интереса, а соображениями, говоря словами Гегеля, «борьбы за признание»*.

Эта концепция переосмыслена и экстраполирована на современную политику в работе известного продолжателя Франкфуртской школы А.Хоннета «Борьба за признание. Моральная грамматика социальных конфликтов» [20]. Он полагает, что «признание является релевантным ключом понимания как интеграции, так и конфликтов в обществах. Все общества интегрируются на основе или селективных, или симметричных форм признания». В этом может быть найден ключ к пониманию принципа общественной динамики, и еще шире – ко всей прежней истории человечества; так или иначе ею была борьба вокруг признания. Страны, подобные Украине, где срок независимого существования (вдобавок и впервые приобретенного) не насчитывает и четверти века; страны, отягченные комплексом «младшего брата» и увенченные венком виктимизации (Балтика); безгосударственные нации (курды, шотландцы) – так или иначе все они борются за признание [21].

* Гегель пишет о том, где человек становится Человеком, выводя себя из животного состояния, будучи признан другими; борясь и умирая за престиж; в контексте диалектики Раба и Господина (Господин реализуется как человек, получая признание от Раба) [22].

Что же касается восточных соседей ЕС, то им стоит рассчитывать преимущественно на тесное внешнеторговое сотрудничество, которое, однако, вряд ли принесёт им существенные выгоды, учитывая разность экономических потенциалов.

Примечания

- ¹ Schmitt K. Politik (1936) // Staat, Growssraum, Nomos: Arbeiten aus den Jahren 1916–1969. Ed. Gunter Maschke. Berlin, 1995. P. 133.
- ² Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy, trans. William Rehg Cambridge. Mass., 1998.
- ³ Treaty on European Union. Ст. 49 // URL: <http://www.eurotreaties.com/maastrichteu.pdf>
- ⁴ Enlargement Package 2013. EU Commission report // URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-13-816_en.htm
- ⁵ Communication from the Commission – The Western Balkans on the road to the EU: consolidating stability and raising prosperity // URL: http://www.sec-educoop.net/education_in/pdf/comm-from-com-1—oth-enl-t02.pdf
- ⁶ URL: <http://www.europeanvoice.com/page/european-voice-blogs-tim-king/3609.aspx?blogitemid=1723>
- ⁷ Standard Eurobarometer 78. Autumn 2012. Public opinion in the European Union // URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb78/eb78_publ_en.pdf
- ⁸ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2322394>
- ⁹ URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/turkey/10325218/Turkey-will-probably-never-be-EU-member.html>
- ¹⁰ Treaty amending, with regard to Greenland, the Treaties establishing the European Communities, 1985 // URL: <http://www.lexnet.dk/law/download/treaties/Gre-1985.pdf>
- ¹¹ URL: <http://www.euractiv.com/enlargement/norwegians-eu-membership-ahead-g-news-529950>
- ¹² URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/1201133.stm>
- ¹³ URL: <http://www.electionguide.org/elections/id/214>
- ¹⁴ URL: <http://www.telegraph.co.uk/finance/financialcrisis/9423570/San-Marino-falls-victim-to-the-eurozone-crisis.html>
- ¹⁵ Романова Л.А. Европейский финансовый кризис // Обозреватель–Observer. 2012. № 1.
- ¹⁶ URL: <http://www.gagauzia.md/newsview.php?l=ru&idc=390&id=4790>
- ¹⁷ URL: <http://ria.ru/world/20140128/991837866.html>
- ¹⁸ URL: http://www.kmu.gov.ua/control/ru/publish/article?art_id=246935198&cat_id=246935189
- ¹⁹ URL: <http://ria.ru/world/20130929/966629784.html>
- ²⁰ Honneth A. Kampf um Anerkennung. Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1992.
- ²¹ Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М.Порребинского и А.Торопыго. М., 2013.
- ²² Гегель Г. «Феноменология духа», 1807.